

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. В. К. Крылова
г. Якутск, Россия

ТЕМА «ВЕРЫ» И «БЕЗВЕРИЯ» НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются перемены, наступившие после революционных событий, произошедших 25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде, которые во многом изменили смысл и содержание театра. Задачей революции было уничтожение не только всего буржуазного строя, но и того культурного наследия, который в России создавался на протяжении столетий, и прежде всего религии. А так как с древних времен известна сила воздействия театра на психологию человека, то он и был определен одним из главных инструментов борьбы с религиозностью, прежде всего русского народа. В период трансформаций социокультурных процессов 1920–1930-х гг. деятельность театра оказалась особенно эффективна в деле изменения сознания российского общества. Гонение на веру было тотальным, советская власть продумала все до мелочей, чтобы под видом борьбы с голодом внести раскол церкви, тем самым как можно скорее искоренить духовность в людях. Таким образом, в условиях построения новой политической системы впервые за всю многовековую историю искусство становилось объектом политики, государственного строительства и относилось к области пропаганды. Понимая громадное воздействие театра на зрительскую аудиторию, идеологи марксистско-ленинского материализма, среди которых были А. В. Луначарский, А. А. Богданов, как и В. И. Ленин, считали первичной материю, а не дух. Для достижения своих целей они стремились использовать актерский талант при постановке таких антирелигиозных пьес, как «Савва» Леонида Андреева. Именно поэтому на нем и акцентировано внимание. Тем самым постепенно, неуклонно и через театр в том числе шел процесс воздействия на религиозность как одну из характерных особенностей российского социума того времени. Процесс не лояльный, а ожесточенный в силу того, что в кратчайший срок советской власти необходимо было уничтожить в человеке духовность и заменить ее революционной целесообразностью.

Ключевые слова: религия, раскол церкви, революционная целесообразность, спектакль «Савва» Леонида Андреева, религиозность, театр и политика, зрители, трансформация сценического образа.

Информация об авторе: Вера Климентьевна Крылова — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Петровского, д. 1, 677027 г. Якутск, Россия. E-mail: kvkrepresgur@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.06.2019

Дата публикации: 28.03.2020

Для цитирования: Крылова В. К. Тема «веры» и «безверия» на сцене и в жизни в контексте революционных преобразований // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 231–248. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-231-248

Как известно, 27 октября (9 ноября) 1917 г. (на следующий день после проведения 2-го Всероссийского съезда Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г.) совместным Декретом ВЦИК и СНК была учреждена Государственная комиссия по просвещению, на которую возлагалась задача руководить всей системой народного образования и культуры. Председателем комиссии был назначен А. В. Луначарский. В ее состав входили Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, П. Н. Лепешинский и др. Затем, в связи с дальнейшей реорганизацией государственной системы, 18 июня 1918 г. был сформирован Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос), который возглавил тот же А. В. Луначарский, а его заместителем стал историк М. Н. Покровский. Еще в январе 1918 г. как самостоятельная единица определен Театральный отдел (ТЕО) Наркомпроса РСФСР, но окончательное оформление он получил только в августе 1919 г., после того, как 26 числа вышел декрет «Об объединении театрального дела», подписанный В. И. Лениным. С августа 1919 г. контроль над сферой сценического искусства стал осуществлять Центротheater Наркомпроса, а в 1920 г. театральный отдел переведено в ведение Главного политико-просветительного комитета (Главполитпросвета). Тем самым политика и театр оказывались тесно связанными друг с другом.

Собственно, на это и нацеливал вождь революции в своей работе «Партийная организация и партийная литература», призывал активно бороться за создание нового революционного театра и репертуара. В ней же он изложил свой взгляд на дальнейшее развитие культуры и в том числе театра — «они должны развиваться через призму партийности». В таком случае и характер постановок должен был вытекать из целей революции. Следовательно, перед нами возникает задача ответить на вопрос, каким образом через эту самую призму партийности мог преломляться сценический образ, оказывать влияние на общественное и сознание индивида? Менять не только смысл его жизни, но и внутреннее, духовное содержание, которое у многих россиян выражалось в религиозности. Отсюда вытекает и цель нашей публикации — показать взаимосвязь политики и сценической практики в деле борьбы с религией. В какой степени тема «веры» и «безверия» нашла свое отражение на сцене и в жизни. Каким образом сценическое представление оказывало влияние на зрительскую аудиторию?

А не оказывать оно просто не могло. Хотя бы в силу того, что новой властью театр рассматривался в качестве проводника революционной идеологии, которая призывала последний «служить ее идеям». Тем самым разрушать национальную культуру, которую Ленин назвал «культурой помещиков, попов и буржуазии» [15, с. 120]. Происходило это потому, что «формирование российского послеоктябрьского национального дискурса, преимущественно шло в русле тотального насилия и репрессий <...>. В целом мемориальная калька была сделана по простой схеме: все до Октября было во вред “простому человеку”, все после Октября — ему на пользу. Религиозность и старый быт как символы “мещанства” объявлялись “глубоко реакционной силой”. Поэтому повседневной практикой 1920–1930-х гг. стали всевозможные “чистки”, вынуждающие людей мимикрировать, утаивать или, с точки зрения режима, фальсифицировать “враждебное” прошлое» [10, с. 54–55, 57–58].

Выступая на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г., В. И. Ленин сформулировал основные задачи, стоящие перед Главполитпросветом. Главной из них был партийный подход к культурному строительству, связи просвещения с политикой. «Мы по всей линии просветительной работы, — говорил вождь пролетариата, — не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой» [5, с. 197–201, 399]. Именно для этих целей и учреждался Главполитпросвет. Говоря о пролетарской культуре, Ленин постоянно подчеркивал роль пролетариата, как ведущего класса в государстве, который «должен принимать самое активное и самое главное участие во всем деле народного просвещения» [16, с. 336]. Освещенный идеологией марксизма, «одухотворяемый практическим опытом своей диктатуры», пролетариат должен был поднимать культурный уровень населения, тем самым и продвигать развитие пролетарской культуры. По сути дела стиралась грань между сценой и социосредой, что неизбежно приводило к идеологической переориентации.

Призывая к уничтожению прошлого, революция требовала отречения не только от отцов и матерей, сестер, жен, но и от своего «Я», который в народе именовался Богом, не зря же бытовала пословица «Бог — внутри каждого из нас». Уже 20 января (2 февраля) 1918 г. последовал Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который вступил в силу 23 января (5 февраля). По нему все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявлялось народным достоянием.

В это время со страниц пролетарских печатных органов практически не сходили высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о вреде религии. «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительности нищеты и протест против действительной нищеты. Религия — это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух бездушного безвременья. Она — опиум народа» [8, с. 199]. Вождь революции не раз указывал на громадное значение борьбы с религией. В период первой русской революции 1905 г. в статье «Социализм и религия» он высказывал свое мнение о том, что всякий рабочий с презрением относится к религии: «Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, с презрением отбрасывает от себя религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывая себе лучшую жизнь здесь на земле» [17, с. 143–144].

В условиях диктатуры пролетариата в своей статье «О значении воинствующего материализма», посвященной задачам журнала «Под знаменем марксизма», «кормчий революции» подчеркивал связь между классовыми позициями буржуазии и поддержкой ею всяческих форм религии, а потому требовал неуклонного разоблачения «всех современных дипломированных лакеев поповщины». Так он не поддерживал точку зрения А. В. Луначарского, А. А. Богданова и других «богостроителей», которые объявляли социализм «новой религией», полагая, что она должна содействовать распространению идей социализма в массах. Не был согласен с их мнением о том, что те трактовали социализм как «самую религиозную из всех религий». В своей статье «Атеизм» А. В. Луначарский доказывал, что социал-демократ — это «самый глубоко религиозный человек», что «чувственную сущность социализма» можно определить как «религиозный атеизм» [21, с. 157]. В дореволюционных работах он пытался обосновать идею, согласно которой марксизм есть «философия религиозная», поскольку

это учение продолжает религиозные искания пути к совершенной жизни. Потому и отстаивал свою позицию, которая заключалась в том, что «современный человек должен почувствовать себя богом и, засучив рукава, “здесь, сейчас, сразу, вместе” начать строить “царство небесное” на земле» [21, с. 157].

В свое время все эти доводы оспаривались Лениным. Он старался доказать, что, критикуя старую религию, таким образом, представители буржуазии и некоторого круга интеллигенции, «заменяют старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками» [18, с. 27]. Разоблачая идеализм и «реакционное богостроительство» А. В. Луначарского, а вместе с ним А. А. Богданова, которые коллективное человечество называли Богом, «комплексом идей, будящих и организующих социальные чувства», в письме к А. М. Горькому Ленин писал: «Неверно, что Бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский идеализм, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека, внешней природой и классовым гнетом, — идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу» [19, с. 231–232].

Время покажет, что все дореволюционные философские рассуждения А. В. Луначарского о существовании религиозного верования явились не более чем своеобразной «игрой в религию». Его «богостроительные идеи оказались крайне неудачной формой решения проблемы формирования внутреннего мира личности, проблемы личностной обращенности философских идей. Значительно позже, критически оценивая свою попытку подвести народные массы к «истинам социализма» через «полу поэтическую публицистику», А. В. Луначарский признал ее «ложным шагом» [9]. Именно он и возглавил культурный фронт страны Советов.

Богданов же стремился к поискам факторов, стабилизирующих и развивающих культуру. По его мнению, «если в целях приближения к социализму изменить только экономику, то культура, спонтанно будет воспроизводить прошлую духовную структуру общества». Поэтому преодоление отчуждения пролетариата невозможно без развития его собственной культуры. С точки зрения Богданова, именно «культура задает социальную инфраструктуру и является “каркасом” взаимоотношений человека с обществом. Поэтому революционные изменения в обществе возможны с установлением не политической, а культурной гегемонии пролетариата» [9]. Давно известно, что «сцена не только отражает жизнь, но и сливается с самой жизнью. А для проникновения образов и идей, принесенных драматургом извне, на ней особенно создается благоприятная почва» [30]. Так «впервые в истории идеи свободы, равенства и братства публично приравнивали к религии, а театральные актеры в ритуале новой религии исполнили роли жрецов нового культа» [13].

Одним из характерных примеров подобной «действенности» стал спектакль «Савва» по пьесе Л. Н. Андреева. Почему Русский драматический театр в Якутии вновь заинтересовался драматургией Леонида Андреева? Исследователи его творчества связывают это с «процессами, происходившими в мировой драме в начале XX в. В это время в Европе и России появились течения, которые оспаривали право реализма занимать главенствующее положение в литературе и искусстве: символизм, дадаизм, сюрреализм, имажинизм, импрессионизм. Из преобразующего движения драматургов разных стран — Г. Ибсена, А. П. Чехова, М. Метерлинка, Г. Гауптмана, А. Стриндберга, Б. Шоу, Б. Брехта — родилось литературное явление — «новая драма». В России ее рождение в первую очередь связано с именем А. П. Чехова, который одним из первых почувство-

вал, что современному театру необходим синтез драматических и сценических средств, чтобы в полной мере отразить всю сложность взаимоотношений людей в обществе, осмыслить место отдельной личности в нем, иначе передать трагизм повседневной действительности.

В поисках нового пути развития драматического искусства на опыт Чехова опирался и Л. Н. Андреев. Драматург считал, что «новый театр должен быть театром психологическим. Продолжая чеховскую традицию, он исследовал внутренний мир человека, используя “диалектику человеческой души” Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Именно тайные механизмы зарождения и развития тех или иных чувств, побудительных мотивов, толкающих героев подчас на жуткие поступки, стали особенно важными для писателя» [24].

В то же время, «ставя рядом людей, страдающих физическими недостатками с психически ненормальными, тем самым модернистский писатель демонстрировал перед зрителями процесс проповедуемого им “сокращения жизни”» [30]. Его Андреев отражал в пьесе «Жизнь Человека», выводя на сцену пьяниц, потерявших рассудок и предпочитавших жизнь смерти, «заставляя рассуждать не о светлом, а об ужасе» [2]. Этот же процесс он демонстрировал в другой своей пьесе «Царь Голод». В ней «он отдавал предпочтение не пролетариату, а люмпен-пролетариату и во второй картине представлял “голодную чернь”, всевозможных дегенератов, слабоумных» [30]. При чем «выставлял их, как истинных героев “великого бунта”». Не случайно в творчестве Л. Н. Андреева М. Горький улавливал не только стремление к отражению «темных сторон жизни», противоречий в душе человека, «брожений в области инстинктов», но и его двойственность. «Леонид Николаевич странно и мучительно резко для себя раскалывался надвое: на одной и той же неделе он мог петь миру — “Осанна!” и провозглашать ему — “Анафема!” И чем более громко он возглашал: “Осанна!” — тем более сильным эхом раздавалось — “Анафема!”» [3].

В 1920-е гг. появился новый взгляд на литературный метод писателя: наряду с реалистическими и символистскими тенденциями в творчестве Андреева критики отмечали и экспрессионистические черты. Поэтому андреевский «трагизм повседневной действительности» больше всего оказался востребованным в период катаклизмов. С 1918 по 1922 гг. и позже его пьесу «Савва» ставили повсеместно. Ее содержание в некоторой степени предвосхитило будущие события против церкви, которые были развернуты по всей стране.

Особое место в истории взаимоотношений власти и церкви занимает 1922, или, как его еще именовали, «расстрельный», год, связанный с возобновлением курса РКП(б) на разгром церкви. Именно в это время и состоялась премьера спектакля «Савва» на сцене театра. Начало «периоду гонения на церковь положил декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 г. Он ознаменовал собой отход от линии возможного компромисса между церковью и властью и открыл беспрецедентную по размаху кампанию изъятия церковных ценностей. Причем весь этот террор, задуманный В. И. Лениным как инструмент революционной политики, приобретал совершенно легитимный оттенок и становился необходимым средством “революционного правосудия”» [31, с. 127–133]. Об одном таком «правосудии» поведал чудом уцелевший звонарь Антоний: «Пришли к нам в ночь на Успенев день... Очень били нас. Глумились. Иконы штыками прокалывали... В ту ночь расстреляли они схимника Феоктиста, иеромонаха Григория, иеромонаха Македония, иеродьякона Сергия, послушника Вениамина и других» [23].

Тема преобразования мира посредством огня очень активно внедрялась не только на театральной сцене и, в частности, в спектакле «Савва», но и в литературе. Достаточно вспомнить такие печатные издания, как «Костер», «Костры», «В буре и пламени», «Пожар», «Огонь», «Огонек», «В огне и буре» и многие другие. Все они призывали «разжечь» «Пожар революции», который «возгорелся» от ленинской «Искры» и был подхвачен А. В. Луначарским в пьесе «Поджигатели». Поэтому не случайно в 1920–1930-е гг. творчество А. П. Чехова им признавалось «самым безошибочным путеводителем в царстве пережившего себя прошлого, которое нужно разрушить дотла, выжечь из быта» [22, с. 1–2]. Таким образом, вместе с новыми «богостроителями» театр проводил просветительную работу в тесной связи с политикой, «проповедуя темы «веры» и «безверия», атеизма и религиозности.

В какой мере духовную и в какой атеистическую «пищу» получали зрители, воспринимая спектакль «Савва»? Обратимся к свидетелю того представления, автору Грену и его заметке под названием «Савва и зрители». Автор как смог, так передал атмосферу в зале, наполненном солдатской массой, как он выразился, «зрителями в обмотках, буденовках защитного цвета». Словом, все они — выходцы из низших слоев общества. Это как раз те люди, которые под знаменами пролетарской революции боролись за установление советской власти. В основном, та категория населения, которая надеялась, хотела новых перемен и для которых не чужда была ленинская философия: «нам не столь важны умные люди, как нужны крепкие борцы революции».

Драматическое действие, можно сказать списанное с натуры, происходило в начале XX столетия, в богатом монастыре, известном чудотворною иконою Спасителя в достаточно короткий срок — около двух недель в семье шестидесятилетнего вдовца Егора Ивановича Тропинина, содержателя трактира в монастырском посаде, который «со всеми держится важно, говорит внушительно и строго». Савва, бывший семинарист, приехал навестить отца, старшего брата Антона или Тюху, сестру Олимпиаду, которых не видел почти лет десять. Ему 24 года. «На вид большой, широкоплечий, немного мужиковатый. Когда волнуется или сердится, становится весь серый, как пыль; движения делаются легкие, быстрые, сутулость исчезает, — точно распахивается весь. Одет в блузу и сапоги, как рабочий» [1].

Внешняя и внутренняя характеристика, данная автором Савве, помогла исполнителю роли Саввы актеру А. Мальцеву создать на сцене полноценный образ воспринимавшего его зрителями как рабочего, того самого пролетария, который должен «разрубить оковы царизма». Кроме семейства Тропинина, на сцене действовали тоже бывший семинарист Григорий Сперанский, послушники Кондратий и Василий, странник 50-ти лет по прозвищу Царь Ирод, а также «монахи, богомольцы, калеки, убогие, слепцы» и др. лица.

Как и М. Горький в «Мещанах», в «Савве» Л. Н. Андреев тоже не скрывал своего пренебрежительного отношения к мещанскому быту. В монастырском посаде, где в трех комнатах живет семейство, трактирщика также все «кривое, старое». Словом, глядя на дешевую деревянную мебель, запятнанные обои, кое-где отставшие от стен, у зрителей непременно должна была возникнуть ассоциация с отжившим прошлым, которое необходимо либо стереть, либо исправить, либо уничтожить огнем.

Первое действие начиналось с «летнего жаркого полдня», с тишины, которая изредка нарушалась кудахтаньем курицы за окном. Да через каждые полчаса на монастырской колокольне назойливо пробивали часы, которые, перед тем как ударить, долго и непонятно что-то «вызванивали», что невольно вызывало ассоциацию с часами

Бессеменова из «Мещан» М. Горького, которые тоже не «тикали», а монотонно «выбивали»: «да так, да так». Входила разморенная от жары Липа, и первые ее слова звучали как пророчество: «Посмотрела я сейчас на улицу, так даже жутко: ни человека, ни собаки. Точно умерло все... И монастырь такой странный: как будто он висит в воздухе. Дунуть на него, и он заколышется и улетит». Так Андреев, а с ним и Липа посредством аллегорического приема фактически выразил суть предстоящих событий — взрыва монастырского храма, по существу уничтожение религии, а с ней и той духовности, что составляло основу российского общества.

Затем в продолжение спектакля куриное кудахтанье, этот символ тревоги, усиливался уже не одной, а «множеством кур». Первое действие заканчивалось именно этим «музыкальным» рефреном после того, как Липа услышала разговор Саввы с Кондратием «о бомбе» и кричала на него: «Я донесу на тебя. Убийца! Анархист! Я донесу на тебя!» А до этого, слушая разговор Липы и Пелагеи, зрители узнавали некоторые подробности характера Саввы. Ждали его появления и совсем не разделяли взгляда Липы, которой «всех несчастных жалко». Такая точка зрения должна быть «чужда современной зрительской аудитории».

Появление Саввы на сцене заставило «насторожиться зал». В нем он «ждал своего». И вот пред их взорами предстал молодой человек. Его разговор с Липой и Тюхой о монастыре, жаре и людях, строивших дома с маленькими окнами, не удовлетворил зрителей: «Нет, не наш!» [4]. Дальше возникало столкновение Липы и Саввы, его рассуждения о «бомбочках» — это, по мнению Грена, «столкновение старого с новым». Здесь уже Савва становится ближе — «Зал на его стороне». Симпатии зрителей к нему усиливались, когда Савва «объяснял» сестре, кто такие террористы. «Смирный народ, рассудительный. Долго собираются, рассуждают, а потом бац! — глядь, какого-нибудь воробья и прикончили. А через минуту, глядь, на этой же ветке другой воробей скачет». Вдруг останавливался, замолкал и обращался к сестре. «Что ты смотришь на мои руки?» Пораженная откровением брата, Липа в тревоге «отодвигалась» от него. «Что ты говоришь?.. И ты тоже?..» От этой новости ей «даже холодно стало». В этот же момент за окном «прокричал петух». Нет, Савва не такой. Он отверг террористов-одиночек, которые «скачут с ветки на ветку», «рубят лес по дереву». Он не испытывает удовольствия, ему от этого — «Скучно!» Одному только у них научился: «уважению к динамиту». «Сильная вещь, с большой способностью убеждать». Поняв это, Савва решил «уничтожить все: старые дома, города, старую литературу, искусство, срыть всю гору до основания — до голой земли». Тогда «будет лучше, — убеждал он Липу, — когда старое не будет мешать. Нужно, чтобы теперешний человек голый остался, на голой земле. Тогда он и устроит новую жизнь».

Все дни пребывания в отцовском доме Савва ничем не занимается, кроме как «на выгоне с ребятами в ладыжки играет». Отец уж «не знает, как от него отделаться». Он не успокоит сирого, не поможет слабому. Не зря Липа «бросает ему в глаза»: «Ты враг рода человеческого! Анархистово семя». При этих словах зал «настораживался». Затем «прислушивался» к рассуждениям Саввы и Тюхи о боге. «Затихал», когда Липа отговаривала Савву не взрывать храм. То он «гудел», когда на фоне колокольного звона, не слушая никого, Савва кричал Тюхи: «Настало время! Настало время! Ты слышишь! Земля выбрасывает вас. Нет вам места на земле! Нет!.. Он идет! Я вижу его! Он идет, свободный человек! Он родится в пламени!.. Он сам — пламя и разрушение! Конец рабьей земле!» В конце второго акта Савва становился понятен залу. «Он — анархист». В финале второго действия слышался встревоженный «звон колоколов», «кудахтали куры». «Раздавались аплодисменты».

Так, вопреки христианской логике, когда «звук колокола вещает о том, что “Глас Божий правит всею мировую жизнью”» [29; 28, с. 156], приводя разрозненный мир к единству. В спектакле «Савва» колокольный звон не «возвещал <...> об известных молитвословиях и чтениях. [Он не] призывал находящихся вне храма соединить свои молитвы с молитвами предстоящих в храме и стать единым соборным организмом» [11, с. 111], а становился предвестником несчастий, символизирующим появление «нового человека», все уничтожающим пламенем. Тем самым «отрицался факт христианского универсализма русского народа. [Его] умение открыться Востоку и Западу, переплавить множество культурных влияний, воспринять наиболее широкий спектр проблем существования. Освоить самые большие в мировой истории и суровые пространства. Признать факт православия народа, [который] принял [его] как свое родное. [А потому] в русской жизни [им] многое определялось, в частности, принцип созидания империи через соби́рание земель и соборное сожитие множества племен и религий» [12, с. 58].

События третьего акта проходили в затемненной комнате. Эта темнота — предвестник той беды, которую вначале пережил сценический Царь Ирод, убивший сына, после чего свет божий — не для него. «Сперва взглянешь, — раскаивался он перед собравшимися монахами, — как будто и светло, а потом, глядь, Господи! — небеса черные, земля черная, и все, как сажа. Маячит что-то, а что — даже не разберешь: человек ли, куст ли...». А в период гражданской войны и проводимых репрессий против церкви эту беду испытали на себе тысячи людей, которые, как и Ирод, даже когда «кричать станут — кто [их] услышит? Выть начнут — кто отзовется?» Кроме самой же власти, которая «из гуманных соображений» одно за другим проводила в жизнь Постановления Политбюро типа «О политике по отношению к церкви и о “недопустимости волокиты” в исполнении расстрельных приговоров»¹.

В такие минуты часто «тяжелое молчание повисало на сцене и в зале». Особенно во время диалога Саввы и Липы, и тогда, когда он, обратив взор к небу, призывал: «Убивай — жги — предательствуй, человек, во имя господина твоего!» Но тревожный звон колоколов, удары часов и кудахтанье кур перебивали слова Саввы. «Вдруг взрыв!... Другой, третий!...». «Зал настолько увлечен и взволнован, что «весь “остолбенел”. И замер» [4].

Произошло то, чего с нетерпением ждал Савва. После этого взрыва в соборе он злорадно торжествовал: «Ага! Зазвонили!! Звоните, звоните! Скоро зазвонит вся земля. Я слышу! Я слышу! Я вижу, как горят ваши города. Я вижу пламя! Я слышу треск! Я вижу, как валятся на голову дома! Бежать некуда... Спасенья нет! Огонь везде! Горят церкви, горят фабрики. Конец рабьему труду!» [1]. «Зал был настолько увлечен, что — весь на сцене!» Как же слова Саввы оказались созвучны с ленинскими лозунгами о новом человеке, об уничтожении всего «старого». Они так трогали сидящих в партере и на галерке, что «зал одобрительным гудением поддерживал Савву». Затем следовало «еще несколько сильных диалогов. Наконец занавес падал. Аплодисменты!»

Однако торжество и ликование Саввы оказалось мнимым. Еще до предстоящих событий Липа «обнаружила» эту самую «машинку», т. е. взрывное устройство в чемодане Саввы, переговорила с Кондратием, а тот со своей братией. И вопрос решен. План действия таков. Незаметно для паломников из монастыря выносятся икона Спасителя. В безопасном для людей месте имитируется взрыв малой мощности. Тем не менее и это

¹ Из протокола заседания Политбюро № 8, п. 11 от 26 мая 1922 г. Политбюро и Церковь — Репрессии против верующих. Архивы Кремля / АПРФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 277. Л. 17. URL: <http://orthodoxia.org/lib/1/> (дата обращения: 12.03.2018).

не уберегло некоторую часть прихожан. Началась паника, раздались крики, образовалась давка, слышались стоны покалеченных и даже жертвы со смертельным исходом. Но вот появилось известие о том, что икона Спасителя все-таки уцелела и находится на своем месте. Вот что значит сила и мудрость Божия! Это производит неопиcуемый эффект на богомольцев, в том числе на Липу и все семейство Тропининых, исключая Савву. Все испытывают блаженство, вновь бросаются к спасительной иконе. И снова давка, и снова, но теперь уже не одна, а три жертвы. На монастырской колокольне раздается веселый, торжественный пасхальный звон, как это обычно бывает на Пасху. Толпа «ликует и одновременно поет тысячью голосами»: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав. Христос <...>» [1]. Но обо всем этом становится известно только к концу третьего действия, после того, когда «Бога взорвали!»

И уж, конечно, ни в коей мере нельзя было предположить, что сорокадвухлетний монастырский послушник, коим являлся Кондратий, может оказаться сообщником Саввы в подрывном деле. Однако это так. Тем самым не через абстрактный, а конкретный образ на сцене проводилась политика борьбы с церковью, политика уничтожения веры, доверия, чистоты, справедливости, причем руками той новой части церковнослужителей, которая способствовала расколу церкви.

Спектакль заканчивался не только взрывом храма, или, как писал Грен, «взрывом Бога», но и Божьим судом, т. е. неизбежной «божьей карой» или смертью Саввы, которому вначале неожиданно наносил удар Царь Ирод, приблудивший у монастыря, затем разбушевавшаяся толпа окончательно забивала его.

Наконец: «Занавес упал». «Кто-то еще сидел, но многие стали выходить». Сопоставляя все «ремарки» Грена относительно зрительного зала и поведения самих зрителей, нетрудно понять их образ мыслей, внутренний мир. Определить новую психологию человеческих отношений, представить состояние актеров, первые шаги нового театрального искусства, или, по словам Луначарского, «новой религии». Степень нарастающей политизации общества, незащищенности того духовного наследия, которое было призвано облагораживать душу человека, его образ мыслей. А ведь именно с того, что «Бога взорвали» не только в церквях, но и в людских душах, начались все перемены. Причем начались они не только в «отдельно взятом государстве», но и повлекли за собой «трансформацию человеческой природы» [33], а также серию «революционных взрывов» в разных странах, в том числе с «преобладанием системного политического насилия в Африке» [32].

Стоит обратить внимание на то, что в августе 1922 г. премьера спектакля «Савва» закончилась еще одним событием, не предусмотренным, ни драматургом, ни режиссером-постановщиком, ни актерами. Она завершилась самой настоящей, а не инсценированной человеческой трагедией — «взрывом души» одного из зрителей, сидящих на галерке. Он не выдержал издевательств Саввы над Богом, самосуда прихожан над главным героем, стонов покалеченных, жертв, всего того противоречия заключенного в истинной вере и безверии. Поэтому в финале и застрелился, после того, как «Бога взорвали!» И это еще одно весомое доказательство того, как в лице церкви велико было духовное наследие народа.

Какова же реакция зрительного зала на произошедшее, на столь неординарное событие, прямое послесловие к спектаклю или на продолжение жизненной правды? «Что делается! Что только творится!» — прокатилось во внезапно установившейся тишине. Но «эта минутная слабость» сменилась «энергичными призывами». «Слышу

разговоры красноармейцев, — писал далее Грен. — Шел бы лучше на фронт, чем здесь стреляться! Нас смертью не напугаешь! Видывали!» [4].

К сожалению, в нарождающейся действительности, а именно с этого и начиналось претворение ленинской «идеи советского гуманизма». Сидевшие в зале и смотревшие спектакль «Савва», одни по убеждению, другие по недомыслию, третьи только по стремлению «плотнуть ветер перемен». Но так или иначе, отрекаясь от вечных нравственных ценностей, многие не полагали, что уже их родные или дети будут искать фамилии дедов, отцов в списках репрессированных, и только некоторая часть — в списках реабилитированных. Но тогда об этом никто не думал. Как писал Грен, у зрителей, «была масса впечатлений самых разнообразных, чрезвычайно сильных. В них надо детально разобраться. Нужно помочь осмыслить пьесу. Нужен широкий публичный диспут о “Савве”». Судьба конкретного человека почти никак не затронула солдатскую массу. «Раньше старушки бы плакали. Полиции уйма. А теперь — никого. Унесли и — кончено». Такими оказались последствия ленинских призывов борьбы с религиозными предрассудками, а также стремления советской власти избавиться от аполитичности культуры путем ее тесной связи с политикой. В свою очередь это повлекло трансформацию сценического образа, направленного на искоренение чистой веры, великого духовного наследия, созданного предшествующими поколениями.

Поэтому показатель реакции зрительного зала на спектакле «Савва» можно считать показателем ценностного мира общества, его умонастроения, принятия или отторжения, согласие или протеста. Но это и показатель того, какую «религию» проповедовали коммунисты во главе с В. И. Лениным. Как мы знаем, к этому времени нарком А. В. Луначарский «объявил социализм новой, пятой мировой религией и стал решительно и последовательно продвигать в массы ее догмы». С этого и «началось разрушение православных храмов, сжигание икон, казни священников, монахов, православных мирян. И как прежде, театру предстояло исполнить главную жреческую роль, поскольку именно на театральных подмостках воздвигали алтарь сверхновых ценностей» [13; 14]. Любое, сколько-нибудь серьезное упоминание о Боге и иных мирах объявлялось «переступанием границ законов советского искусства», следовательно, подлежало запрету. Аксиома здесь проста. Предметом советского искусства должна стать суровая, жестокая действительность. На сцене можно сказать «театра патологии» торжествовал атеизм. «Парадоксально, но тут даже о законах классической эстетики говорить не приходится. Ибо в основание этой науки заложено понятие эстетического чувства, которое, априори, отличается от провозглашенной большевиками свободы, вместе с тем, равенстве, братстве. А всякое эстетическое чувство сродни религиозному, поскольку опирается на данные сверхчувственного опыта» [13].

Создавая своеобразный «театр патологии», посредством таких спектаклей, как «Савва», «государство неуклонно воздействовало на религиозность, как одну из особенностей, характерных для российского социума того времени. Но даже при реализации реформистских способов ее осуществления, тем не менее, она продолжала сохранять свою традиционность» [6, с. 60–74].

По сути дела спектакль «Савва» стал своеобразным отражением не только исторических, но и современных на тот момент событий. Тем самым через театр в жизнь проводилась политика партии в отношении РПЦ. Как известно, Первая мировая война, революция, гражданская война, а также засуха 1921 г. особенно в средне-поволжских районах спровоцировала голод среди населения. Церковь организовала сбор денег среди верующих для голодающих, проводились международные акции по оказанию

помощи. Но для коренного изменения положения всего этого оказалось недостаточно. Поэтому ВЦИК в дополнение к Декрету об изъятии музейных ценностей издал Декрет от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» в принудительном порядке. «Этот декрет, в известной степени, ограничивал конфискацию, когда предусматривалось (“...изъять из церковных имуществ... все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа...”» [7]. Однако в сумбурно проходивших акциях изъятия это ограничение не всегда соблюдалось. Так, если 19 февраля 1922 г. Патриарх выразил согласие на то, чтобы приходы пожертвовали некоторые ценности в пользу голодающих. То уже 28 числа он энергично протестовал против изъятия священных предметов, служивших для литургии. Дело дошло до демонстраций и активного сопротивления верующих в Москве, Смоленске, Шуе и других местах.

Начало организованных гонений положило письмо Л. Троцкого в Политбюро от 17 марта 1922 г., в котором им был изложен порядок изъятия церковных ценностей. Он предлагал «создать секретные комиссии по подготовке их сбора», «провести интенсивную агитацию в народе», «обвинить духовенство в нежелании отдавать ценности ради его спасения. При этом, как явствует из документа, для власти были «весьма желательны конфликты церкви с верующими», для того чтобы разгромить всякое сопротивление и дискредитировать ее в их глазах.

Ленин решительно поддержал инициативу Троцкого. 19 марта он направил в Политбюро свое знаменитое письмо по поводу Шуйских событий, в котором с ясностью показаны планы большевиков по уничтожению церкви и цинично-равнодушное отношение к своему народу. В нем вождь революции высказывал свои рекомендации: «Именно сейчас, когда в голодных местностях на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной энергией, не останавливаясь перед подавлением, какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьян будет либо за нас, либо не будет поддерживать горстку черносотенного духовенства. Мы должны подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли об этом в течение нескольких десятков лет. Чем больше представителей реакционного духовенства и буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо так проучить эту публику, чтобы она на несколько десятков лет, ни о каком сопротивлении не смела и думать» [7].

Воспользовавшись чрезвычайным положением, советское правительство пыталось уничтожить РПЦ. Поэтому сопротивление изъятию священных церковных ценностей им толковалось как реакционное сопротивление советской системе вообще и преследовалось в соответствии с его точкой зрения. Однако во всей этой кампании главной задачей правительства была отнюдь не забота о голодающих, а нанесение РПЦ мощнейшего удара со стратегической целью: полностью предотвратить даже возможность какого-либо выступления духовенства против правительства, нейтрализовать его авторитет. Следовательно, нужны были более радикальные меры, что и подтолкнуло не только многие местные партийные и государственные органы, но и центральную власть к шагам, направленным на углубление раскола духовенства. Большевики прекрасно понимали, что изъятием ценностей народ от церкви не отлучишь. А потому весной 1922 г. ГПУ впервые серьезно занялось идеей создания раскола в церкви. Тогда в борьбу искусно вводилась новая сила — церковное общество обновленцев. 3 апреля 1922 г. ГПУ при НКВД РСФСР разослало полномочным представителям и губернским отделам шифротелеграмму с текстом циркуляра ЦК РКП (б) № 7225/ш «О проведении

агитационной кампании в целях углубления раскола православного духовенства и дискредитации верхов Русской православной церкви в связи с их позицией по вопросу об изъятии церковных ценностей». В ней указывалось: «Газетная кампания по поводу изъятия ценностей ведется неправильно. Она направлена против духовенства вообще. Эта сатира бьет по низшему духовенству и сплачивает духовенство в одно целое. Политическая задача данного момента совсем не та, а противоположна. Нужно расколоть попов или вернее углубить и настроить существующий раскол <...>. Политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейший вопрос помощи голодающим и показать им суровую руку рабочего государства <...>»². Таким образом, «массовый террор против Церкви стал официальной политикой Советского государства. В этот год по всей стране прошло 250 судебных процессов, сфабрикованных в связи с изъятием церковных ценностей, 732 человека оказалось на скамье подсудимых, многие были расстреляны. Активно применялась административная ссылка, которую ВЦИК ввел своим декретом от 10 августа 1922 года»³. И ведь власть, отправившая сотни, тысячи «на тот свет» и столь же репрессировавшая, не раскаялась ни перед ними, ни перед их потомками. Эта государственная политика, направленная на уничтожение народа, именуемая «революционной целесообразностью», в период перестройки во вторую половину 1980-х гг. была «освящена новой религией» — идеей «региональных перегибов».

Пожалуй, никакая другая тема, как тема «веры» и «безверия» или атеизма, так часто не возникала на повестке дня и на сцене театра. И все это делалось во имя возвеличивания «нового Человека», о котором в унисон рассуждали главные герои спектаклей «Савва» и «На дне» (Сатин). Начиная с детского сада, школы, сцены везде слышался один и тот же классовый призыв: «Все на борьбу с религией!» [29, с. 3]. Особенно «активное участие» артисты должны были принимать в «Антипасхальных...» конференциях, докладах, где читались «проповеди» на современный лад типа «О задачах безбожников в борьбе за коллективизацию и урожай».

Подобную форму «просвещения» советская власть применяла в связи с тем, что «настоящие суды над священнослужителями не всегда давали ожидаемый эффект. [Тогда] партийные и комсомольские пропагандисты стали использовать более надежную форму антирелигиозной пропаганды и агитации: суды-инсценировки. В журналах, газетах и отдельными брошюрами стали публиковать специальные сценарии, где всему спектаклю — судебному заседанию придавался явно обвинительный уклон» [25, с. 92].

Кроме того, «с целью выявления не религиозности пролетарского юношества, находящегося [как] в рядах КСМ (Коммунистического союза молодежи), так и вне его, в дни религиозных праздников под непосредственным руководством партийных организаций проводились то Комсомольские святки, то Пасхи. Подобного рода мероприятия преследовали несколько целей: “отвлечь членов КСМ и беспартийную молодежь от непосредственного участия в религиозных обрядах”» [27, с. 199], выявить верующих, неверующих, сомневающихся и твердо определившихся, потому что, несмотря на формальное отделение церкви от государства, по словам Ленина, новая власть все-таки еще «не смогла отделить религию от людей». «Совершая революцию, — признавался вождь пролетариата, — мы ни на минуту не забывали того, что неудач и ошибок было много и делается много. Еще бы, обойтись без неудач и ошибок в таком новом деле, как соз-

² Шифротелеграмма ГПУ при НКВД РСФСР // Государственная архивная служба Удмуртской Республики. URL: <http://www.gasur.narod.ru/> (дата обращения: 14.02.2019).

³ Там же.

дание невиданного типа государственного устройства!» [14, с. 15, 19]. И это «оказалось единственной Правдой — грубой, обнаженной, жестокой». Но «Правдой среди тьмы самых утонченных, шовинистских и пацифистских обманов» [14, с. 19].

Обращаясь к таким пьесам, как «Савва», а также к современной драматургии, театр не только проводил линию партии в жизнь, но и непосредственно выполнял решения XII съезда РКП (б), который определил место театра в социуме как «средство систематической массовой пропаганды идей борьбы за коммунизм». Следующий очередной XIII партийный форум, состоявшийся в 1924 г. по наставлению тов. Сталина, не только подчеркивал необходимость «усиления работы по созданию, подбору революционного репертуара, и на его основе перевоспитание старых поколений, воспитание новых в духе диктатуры пролетариата и социализма. Борьбы с тем, чтобы навыки и привычки, традиции и предрассудки, унаследованные от старого общества, не только не смогли стать опаснейшим врагом социализма, но и угрозой для его окончательной победы» [26, с. 234–260].

Тем самым постепенно, но неуклонно и в том числе через театр шел процесс воздействия на религиозность как одну из характерных особенностей российского социума того времени. Процесс не лояльный, а ожесточенный в силу того, что в кратчайший срок советской власти необходимо было уничтожить в человеке «один из самых действенных, проверенных поколениями и освященных традициями методов преодоления деструктивного воздействия окружающей социальной среды путем обращения индивида к духовным ценностям. Вследствие чего и происходила их актуализация не только в его сознании, но и в практической деятельности. (Ведь), оживление духовной жизни человека нередко достигается через его обращение к религиозной вере, которое предстает наиболее щадящим для личности, гармонизированным по форме и содержанию способом включения в деятельность той или иной социальной общности. Принадлежность к определенному религиозному объединению, исповедание соответствующего вероучения, как правило, дает человеку искомое чувство полноты и осмысленности бытия, ощущение счастья и гарантии социальной поддержки. (Таким образом), его деятельность определяется некими рамками, которые он сам оценивает как направление развития и границы безопасности» [20; 21]. Однако в постреволюционные годы эти границы искусственно разрушались и заменялись революционной целесообразностью. Примером тому стал не только спектакль «Савва» по пьесе Л. Н. Андреева, но и политика государства, направленная на раскол церкви, изъятие церковных ценностей, отречение народа от веры путем пропаганды безверия на сцене и в жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Андреев Л. Н.* «Савва» // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/a/andreew_1_n/ (дата обращения: 10.03.2018).
- 2 *Андреев Л. Н.* «Жизнь человека» // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/a/andreew_1_n/text_1030-1.shtml (дата обращения: 10.03.2018).
- 3 *Горький М.* Леонид Андреев // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/a/andreew_ (дата обращения: 17.05.2018).
- 4 *Грен.* Савва и зрители // Автономная Якутия. 1922. 22 августа. № 15. С. 2.
- 5 Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1983. Т. XI. Октябрь-ноябрь 1920 г. С. 197–201, 399.
- 6 *Емельянов С.* Модернизации России в контексте взаимодействия православной традиции и марксистской концепции // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2006. № 2. Т. 7. С. 60–74.

- 7 Изъятие церковных ценностей во время голода 1921–1922 гг. Идеологическая борьба против Церкви // Sir35.ru. URL: http://sir35.ru/rpc_2_2 (дата обращения: 12.03.2018).
- 8 *Карл Маркс, Фридрих Энгельс.* К еврейскому вопросу. Собр. соч. 1955. Т. 1. С. 399 // Informaxinc.ru. URL: <http://www.informaxinc.ru/> (дата обращения: 12.03.2018).
- 9 *Кириленко Г. Г., Шевцов Е. В.* Философия социального прагматизма (А. В. Луначарский и А. А. Богданов) // Lunacharsky.newgod.su. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/> (дата обращения 16.05.2018).
- 10 *Кознова И. Е., Никольский С. А.* Прошлое в политике и культуре советской России // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 54–55, 57–58.
- 11 *Колесова И. С.* Духовное содержание русского колокольного звона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 (12): в 3 ч. Ч. III. С. 111–114.
- 12 *Корнев В. А.* Роль русской православной церкви в развитие русской национальной и государственной идеологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 58–61.
- 13 *Кудрявцев А.* «Богиня разума» // Русская линия. URL: <http://www.rusk.ru> (дата обращения: 14.03.2018).
- 14 *Крупская Н. К.* К пятилетию Октябрьской Революции // Работник просвещения. 1923. № 8. С. 15–19.
- 15 *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // *Ленин В. И.* Собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 24. С. 113–150.
- 16 *Ленин В. И.* О пролетарской культуре // *Ленин В. И.* Собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 41. С. 336–337.
- 17 *Ленин В. И.* Социализм и религия // *Ленин В. И.* Собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 12. С. 143–147.
- 18 *Ленин В. И.* О значении воинствующего материализма // *Ленин В. И.* Собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат. 1967. Т. 45. С. 23–33.
- 19 *Ленин В. И.* Письмо М. Горькому // *Ленин В. И.* Собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 48. С. 230–233.
- 20 *Лобазова О. Ф.* Религиозность современного российского общества: социально философский анализ: дис... д-ра филос. наук. М., 2010. 314 с.
- 21 *Луначарский А. В.* Атеизм. Очерки по философии марксизма // Философский сб. М.: Звено, 1908. С. 107–161.
- 22 *Луначарский А. В.* Чехов в наши дни // Огонек. 1929. № 27. С. 1–2.
- 23 *Никифоров-Волгин В. А.* Алтарь затворенный. 1937 г. // Русь-фронт. URL: <http://rusfront.ru/2655-altar-zatvorennuyu.html> (дата обращения: 14.02.2019).
- 24 *Проц Д. Е.* Типология характеров и способы их воплощения в драматургии Л. Н. Андреева // Dslib.net. URL: <http://www.dslib.net/ru> (дата обращения: 15.02.2019).
- 25 *Слезин А. А.* Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи в начале 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (3). С. 92–98.

- 26 *Сталин И. В.* Об итогах XIII съезда РКП (б): Доклад на курсах секретарей укомов при ЦК РКП (б) 17 июня 1924 г. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 6. С. 234–260.
- 27 *Табунщикова Л. В., Шадрина А. В.* Антирелигиозные акции 1923 года в Донском регионе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22). Ч. 1. С. 199–204.
- 28 *Флоренский П. А.* Из богословского наследия // Богословские труды. М.: Изд-во Московской патриархии, 1977. Т. 17. 248 с.
- 29 *Шульгин В. Н.* Правый уклон свил свое прочное гнездо в педагогике // Работник просвещения. 1929. № 19. С. 1–6.
- 30 *Шулятиков В. М.* Новая сцена и новая драма // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0460.shtml (дата обращения: 14.02.2019).
- 31 *Ryan J.* The Power and the Church: the Politburo against the Russian Orthodox Church in 1922 // Северо-Восток России на рубеже XIX–XX веков: власть и общество. Мат. Всерос. научн.-практич. конф. с междунар. уч., посвящ. 150-летию со дня рождения губернатора Якутской области И. И. Крафта. 20 мая 2011 г. / отв. ред. В. К. Крылова. Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2012. С. 127–133.
- 32 *Neocosmos M.* Transition, human rights and violence: rethinking a liberal political relationship in the African neo-colony // Interfacejournal.net. URL: <http://www.interfacejournal.net/> (дата обращения: 16.05.2018).
- 33 Hannah Arendt *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft* München, 1986. 701 p. // Polit.ru. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/04> (дата обращения: 16.05.2018).

© 2020. Vera K. Krylova
Yakutsk, Russia

**THE THEME OF “FAITH” AND “UNBELIEF”
ON STAGE AND IN LIFE
IN THE CONTEXT OF REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS**

Abstract: The article discusses the changes that occurred in the wake of revolutionary events of October 25 (November 7), 1917 in Petrograd, which in many ways transformed the meaning and content of the theater. The goal of the revolution was to destroy not only the entire bourgeois system, but also the cultural heritage that had been created in Russia for centuries and above all, the religion. And since power of theater's impact on human psychology is well-known from the ancient times, it was determined to be one of the main tools in the fight against religiosity, especially of the Russian people. In that regard, one cannot pass over the fact that during a period of transformation of sociocultural processes of the 1920s and 1930s, theatrical activity turned out to be particularly effective in changing the consciousness of Russian society. The religious persecution was total, Soviet government having thought through every detail to sow discord within the church under the guise of fighting hunger, and thereby eradicating spirituality in people as soon as possible. Thus, under the conditions of building a new political system, for the first time in the entire centuries-long history, art came to be an object of politics, state-building belonging to the field of propaganda. The ideologists

of Marxist-Leninist materialism, including A. V. Lunacharsky, A. A. Bogdanov, as well as V. I. Lenin, bore in mind a tremendous extent of theater's influence on the audience, while considering primary matter, not spirit. To achieve their goals, they sought to use acting talent in the production of such anti-religious plays as "Savva" by Leonid Andreev, hence their close attention on it. Thus, gradually, steadily by means of theater among other things, proceeded the process of affecting the religiosity, as one of the characteristic features of the Russian society of the time. The process was not loyal, but ferocious due to the fact that within the shortest time the Soviet government needed to destroy spirituality in people replacing it with revolutionary expediency.

Keywords: theater, religion, split of the church, revolutionary expediency, a play "Savva" by Leonid Andreev, religiosity, theater and politics, spectators, transformation of the stage image.

Information about the author: Vera K. Krylova — PhD in Arts, Senior Research, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Petrovsky St. 1, 677027 Yakutsk, Russia. E-mail: kvkrepressgur@mail.ru

Received: June 11, 2019

Date of publication: March 28, 2020

For citation: Krylova V. K. The theme of "faith" and "unbelief" on stage and in life in the context of revolutionary transformations. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 55, pp. 231–248. (In Russian) DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-231-248

REFERENCES

- 1 Andreev L. N. "Savva". *Lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/a/andreew_1_n/ (accessed 10 March 2018). (In Russian)
- 2 Andreev L. N. "Zhizn' cheloveka" [Human life]. *Lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/a/andreew_1_n/text_1030-1.shtml (accessed 10 March 2018). (In Russian)
- 3 Gor'kii M. Leonid Andreev. *Lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/a/andreew_ (accessed 17 May 2018). (In Russian)
- 4 Gren. Savva i zriteli [Savva and the audience]. *Avtonomnaia Iakutiia*, 1922, 22 August, no 15, p. 2. (In Russian)
- 5 *Dekrety Sovetskoi vlasti* [Decrees of the Soviet power]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, vol. XI. Oktiabr'-noiabr' 1920 g. [October-November 1920], pp. 197–201, 399. (In Russian)
- 6 Emel'ianov S. Modernizatsii Rossii v kontekste vzaimodeistviia pravoslavnoi traditsii i marksistskoi kontseptsii [Russian Modernization in the context of interaction between the Orthodox tradition and the Marxist concept]. *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2006, no 2, vol. 7, pp. 60–74. (In Russian)
- 7 Iz"iatie tserkovnykh tsennostei vo vremia goloda 1921–1922 gg. Ideologicheskaiia bor'ba protiv Tserkvi [Seizure of Church valuables during the famine of 1921–1922. Ideological struggle against the Church]. *Sir35.ru*. Available at: http://sir35.ru/rpc_2_2 (accessed 12 March 2018). (In Russian)
- 8 Karl Marks, Fridrikh Engel's. K evreiskomu voprosu. *Sobranie sochinenii*. 1955. T. 1. S. 399 [Karl Marks, Friedrich Engel's. On the Jewish question. Collected works. 1955, vol. 1, p. 399]. *Informaxinc.ru*. Available at: <http://www.informaxinc.ru/> (accessed 12 March 2018). (In Russian)

- 9 Kirilenko G. G., Shevtsov E. V. Filosofii sotsial'nogo pragmatizma (A. V. Lunacharskii i A. A. Bogdanov) [Philosophy of social pragmatism (A.V. Lunacharsky and A. A. Bogdanov)]. *Lunacharsky.newgod.su*. Available at: <http://lunacharsky.newgod.su/> (accessed 16 May 2018). (In Russian)
- 10 Koznova I. E., Nikol'skii S. A. Proshloe v politike i kul'ture sovetsoi Rossii [The past in the politics and culture of Soviet Russia]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2017, vol. 43, pp. 54–55, 57–58. (In Russian)
- 11 Kolesova I. S. Dukhovnoe sodержanie russkogo kolokol'nogo zvona [Spiritual content of the Russian bell ringing]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no 6 (12): in 3 parts, part III, pp. 111–114. (In Russian)
- 12 Kornev V. A. Rol' russkoi pravoslavnoi tserkvi v razvitie russkoi natsional'noi i gosudarstvennoi ideologii [Russian Orthodox Church's role in the development of Russian national and state ideology]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no 7 (13): in 3 parts, part I, pp. 58–61. (In Russian)
- 13 Kudriavtsev A. “Boginia razuma” [“Goddess of reason”]. *Russkaia liniia*. Available at: <http://www.rusk.ru> (accessed 14 March 2018). (In Russian)
- 14 Krupskaiia N. K. K piatiletiiu Oktiabr'skoi Revoliutsii [To the fifth anniversary of the October Revolution]. *Rabotnik prosveshcheniia*, 1923, no 8, pp. 15–19. (In Russian)
- 15 Lenin V. I. *Kriticheskie zametki po natsional'nomu voprosu* [Critical notes on the national issue]. In: Lenin V. I. *Sobranie sochinenii: v 55 t.* [Collected works: in 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, vol. 24, pp. 113–150. (In Russian)
- 16 Lenin V. I. *O proletarskoi kul'ture* [On proletarian culture]. In: Lenin V. I. *Sobranie sochinenii: v 55 t.* [Collected works: in 55 vols.] Moscow, Politizdat Publ., 1967, vol. 41, pp. 336–337. (In Russian)
- 17 Lenin V. I. *Sotsializm i religiiia* [Socialism and religion]. In: Lenin V. I. *Sobranie sochinenii: v 55 t.* [Collected works: in 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, vol. 12, pp. 143–147. (In Russian)
- 18 Lenin V. I. *O znachenii voinstvuiushchego materializma* [On the meaning of militant materialism]. In: Lenin V. I. *Sobranie sochinenii: v 55 t.* [Collected works: in 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, vol. 45, pp. 23–33. (In Russian)
- 19 Lenin V. I. *Pis'mo M. Gor'komu* [A Letter to Maxim Gorky]. In: Lenin V. I. *Sobranie sochinenii: v 55 t.* [Collected works: in 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, vol. 48, pp. 230–233. (In Russian)
- 20 Lobazova O. F. *Religioznost' sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsial'no filosofskii analiz* [Religiosity of the modern Russian society: a social and philosophical analysis: PhD thesis]. Moscow, 2010. 314 p. (In Russian)
- 21 Lunacharskii A. V. *Ateizm. Ocherki po filosofii marksizma* [Atheism. Essays on the philosophy of Marxism]. *Filosofskii sbornik* [Philosophical collection]. Moscow, Zveno Publ., 1908, pp. 107–161. (In Russian)
- 22 Lunacharskii A. V. *Chekhov v nashi dni* [Chekhov nowadays]. *Ogonek*, 1929, no 27, pp. 1–2. (In Russian)
- 23 Nikiforov-Volgin V. A. *Altar' zatvorennii. 1937 g.* [The altar is closed. 1937]. *Rus'-front* [Rus'-front]. Available at: <http://rusfront.ru/2655-altar-zatvorennii.html> (accessed 14 February 2019). (In Russian)

- 24 Prots D. E. Tipologiya kharakterov i sposoby ikh voploshcheniia v dramaturgii L. N. Andreeva [Typology of characters and ways of their implementation in L. N. Andreev's dramaturgy]. *Dslib.net*. Available at: <http://www.dslib.net/ru> (accessed 15 February 2019). (In Russian)
- 25 Slezin A. A. Gosudarstvennaia politika v otnoshenii religii i politicheskii kontrol' sredi molodezhi v nachale 1920-kh godov [State policy on religion and political control of the young people in the early 1920s]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2009, no 2 (3), pp. 92–98. (In Russian)
- 26 Stalin I. V. *Ob itogakh XIII s"ezda RKP (b): Doklad na kursakh sekretarei ukomov pri TsK RKP (b) 17 iunია 1924 g.* [On the results of the XIII Congress of the RCP (b): Report on the courses of the uyezd committees secretaries at the Central Committee of the RCP (b) on June 17, 1924]. Moscow, OGIZ Publ., 1947, vol. 6, pp. 234–260. (In Russian)
- 27 Tabunshchikova L. V, Shadrina A. V. Antireligioznye aktsii 1923 goda v Donskom regione [Anti-religious actions of 1923 in the Don region]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no 8 (22), part 1, pp. 199–204. (In Russian)
- 28 Florenskii P. A. Iz bogoslovskogo naslediiia [From the theological heritage]. *Bogoslovskie trudy* [Theological works]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi patriarkhii Publ., 1977. Vol. 17. 248 p. (In Russian)
- 29 Shul'gin V. N. Pravyi uklon svil svoje prochnoe gnezdo v pedagogike [The right bias has built itsef a strong nest in pedagogy]. *Rabotnik prosveshcheniia*, 1929, no 19, pp. 1–6. (In Russian)
- 30 Shuliatikov V. M. Novaia stsena i novaia drama [New scene and new drama]. *Lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0460.shtml (accessed 14 February 2019). (In Russian)
- 31 Ryan J. The Power and the Church: the Politburo against the Russian Orthodox Church in 1922. *Severo-Vostok Rossii na rubezhe XIX–XX vekov: vlast' i obshchestvo. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 150-letiiu so dnia rozhdeniia gubernatora Iakutskoi oblasti I. I. Krafta. 20 maia 2011 g.* [North-East of Russia at the turn of the 20th c.: power and society Proceedings of All-Russian scientific.-practical. conf. with int. part., <url>. To the 150th anniversary of the birth of the Governor of the Yakut region I. I. Kraft. May 20, 2011], ed.-in- chief V. K. Krylova. Iakutsk, Izd-vo IGIIPMNS SO RAN Publ., 2012, pp. 127–133. (In English)
- 32 Neocosmos M. Transition, human rights and violence: rethinking a liberal political relationship in the African neo-colony. *Interfacejournal.net*. Available at: <http://www.interfacejournal.net/> (accessed 16 May 2018). (In English)
- 33 Hannah Arendt *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft* München, 1986. 701 p. [Hannah Arendt elements and origins of Total Domination Munich, 1986. 701 p.]. *Polit.ru*. Available at: <http://www.polit.ru/article/2010/04> (accessed 16 May 2018). (In Germany)